

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-11-25

УДК 111

От философии сознания к философии субъекта: самоотношение

Косилова Елена Владимировна,

кандидат философских наук,

доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,

Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1

ORCID: 0000-0002-2261-7680

Author ID (РИНЦ): 86391

SPIN-код (РИНЦ): 9757-9534

implicatio@yandex.ru

Аннотация

Современная философия сознания сосредоточена на таких аспектах сознания, как восприятие, переработка информации, квалиа (также имеющие место в восприятии). При этом недостаточное внимание уделяется таким сознательным действиям субъекта, как принятие решений и действие. Однако действие требует не меньше сознания, чем восприятие. Действием занимается не столько философия сознания, сколько философия субъекта. В статье проводится связь между философией сознания и философией субъекта через понятия свободы и самоотношения. Субъект сущностно свободен, поскольку он принимает решения. Даже если его решения детерминированы его биологическим устройством или его историей, он преобразовывает прошлые детерминации в будущее, и всё равно процесс принятия решений происходит, так что некоторая свобода имеется. Что касается сознания, то оно также связано со свободой, поскольку его свет зажигается в тех же ситуациях принятия решения. Есть особая группа решений, связанных с отношениями субъекта. В статье рассматриваются отношения к миру, к себе, к Другим, к трансценденции. В отношении к миру субъект может проявить свою свободу через самоограничение, отказ от власти, основываясь на хайдеггеровской максиме «допущения бытия сущего». К Другим он может построить свое отношение в этической парадигме, например согласно учению Левинаса. Трансценденция может быть дана в виде взгляда на себя со стороны. Выделяется особая группа действий субъекта – самоотношение и самовоздействие. В области сознания это самосознание. Субъект может модифицировать собственные отношения, опираясь на трансцендентную точку, которую он сам полагает. Это также имеет отношения к выбору ценностей. Рассматривается религиозное отношение к собственной душе и учение Хайдеггера.

ра о трансценденции. Самовоздействие – в высшей степени свободное действие субъекта, благодаря которому он строит самого себя.

Ключевые слова: философия сознания, философия субъекта, субъект, самоотношение, самовоздействие, свобода, трансценденция.

From Philosophy of Mind to Philosophy of Subject: Self-Attitude

Elena Kosilova,

Cand. Sc. (Philosophy),

Associate Professor at the Philosophy Faculty

Lomonosov Moscow State University,

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2261-7680

Author ID (RSCI): 86391

SPIN-code (RSCI): 9757-9534

implicatio@yandex.ru

Abstract

Modern philosophy of mind focuses on such aspects of consciousness as perception, information processing, and qualia (also occurring in perception). At the same time, insufficient attention is paid to such conscious actions of the subject as decision-making and action. However, action requires no less consciousness than perception. It is not so much the philosophy of mind that deals with action as the philosophy of subject. This article makes a connection between the philosophy of mind and the philosophy of subject through the concepts of freedom and self-relationship. The subject is essentially free because he makes decisions. Even if his decisions are determined by his biological arrangement or his history, he transforms past determinations into future ones, and still the decision-making occurs, so that some freedom is required. As for mind, it is also related to freedom because its light is lit in the same decision-making situations. There is a special group of decisions concerning subject's relations. The subject's relations to the world, to the Self, to the Others, to transcendence are considered. In relation to the world, the subject can manifest his freedom through self-restraint, renunciation of power, based on Heidegger's maxim of "letting being be." He can build his attitude towards Others in an ethical paradigm, for example, according to the teachings of Levinas. Transcendence can be given in the form of looking at oneself from the outside. A special group of actions of the subject is distinguished: self-attitude and self-action. In the field of mind it is self-consciousness. The subject can modify his own attitudes based on the transcendent point that he himself posits. This also has implications for the choice of values. The religious relation to one's own soul and Heidegger's doctrine of transcendence are considered. Self-existence is a supremely free action of the subject through which he constructs himself.

Keywords: philosophy of mind, philosophy of subject, subject, self-attitude, self-action, freedom, transcendence.

Библиографическое описание для цитирования:

Косилова Е.В. От философии сознания к философии субъекта: самоотношение // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 2, ч. 1. – С. 11–25. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-11-25.

Kosilova E. From Philosophy of Mind to Philosophy of Subject: Self-Attitude. *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 2, pt. 1, pp. 11–25. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.1-11-25.

Введение. Философия сознания и философия субъекта

Философия сознания и философия субъекта до сих пор шли разными путями, хотя сознание и субъект – вещи близкие. Разработки в философии субъекта могут сыграть роль эвристик для философии сознания. Там и там работают методы феноменологии. Хотя объединение подходов всегда требует большой смелости, и далеко не каждого оно убеждает, тем не менее мы можем попробовать.

Теории субъекта позволяют поставить вопрос о свободе, который релевантен и для теорий сознания. В рассуждениях о свободе субъекта разработаны аргументы, которые вносят вклад в наше интуитивное представление о сознании, поскольку сознание ощущается нами как область нашей свободы, центр управления решениями. Современная философия сознания, как кажется, слишком сосредоточилась на аспектах восприятия, переработки опыта, переживаниях качества и тому подобном (см., например, [1, 5, 15, 19]). Можно подумать, мы только воспринимаем сознательно и ничего при этом не делаем. Однако человек живет в том числе и действием. В его сознании рождаются проекты, ставятся цели, работают ценности, живут мечты и фантазии. Всё это тоже сознание.

То, чем занимался бихевиоризм: поведение, или лучше сказать действие, можно изучать от третьего и от первого лица. Бихевиоризм изучал от третьего, но теория субъектности может внести вклад в изучение действий от первого лица. И в этом случае неизбежно возникает потребность осмыслить свободу, поскольку субъект всегда принимает решение, как действовать. Именно свобода субъекта напрямую связана с наличием сознания. Есть много видов работы мозга, которые протекают «в темноте», поскольку не требуют сознательного управления. Таковы дыхание, поддержание равновесия, простые виды ходьбы и т. п. Где нет принятия решений, там (обычно) нет сознания. Сознание появляется тогда, когда мы должны что-то делать, и нам надо подумать, что именно.

Разница между терминами «сознание» и «субъект» не закреплена в каких-то общепризнанных трудах. Англоязычная философия сознания практически не пользуется понятием субъекта. В континентальной философии не столь часто говорится о сознании. Главное, чем различаются эти

два понятия, – отношение к действию. Философия сознания, как уже было сказано, сосредоточена на различных аспектах восприятия. По-видимому, это связано с тем, что она наследует британскому эмпиризму. Философия субъекта не может обойти вниманием деятельность и принятие решений. Даже классический картезианский субъект принимал решения: сомневаться, мыслить, доказывать существование Бога. Трансцендентальный субъект Канта ставил цели и действовал согласно разумному закону. Субъект Гуссерля полагал себе правило *эпохэ*, т. е. оказывал самовоздействие, входил в отношение с самим собой.

Можно ли сказать, что субъект принимает свои решения свободно? Может быть, и нет. Например, в том смысле, что все его решения каким-то образом запрограммированы в его прошлой истории. Судя по всему, это нельзя доказать и нельзя опровергнуть. Если они были запрограммированы, то это означает, что субъект является точкой перевода прошлых детерминаций в будущее. Но это ведь тоже принятие решений, тем более если задействованы ценности и цели.

Эти темы почти не рассматриваются в философии сознания, а представляется, что они очень важны в том числе и для решения вопроса о том, что такое сознание. В этой статье я рассмотрю некоторые отношения и самоотношения субъекта и их возможные импликации в философии сознания.

Отношения субъекта: отношение к миру

В теории субъекта важную роль играет анализ его отношений. Помимо его мышления и его действий, в которых проявляется его свобода, в основании субъектности лежат отношения: к жизненному миру, к физическому миру, к Другим (к Другим вообще, к противоположному полу, к своему полу, к старшим и младшим), к самому себе, к трансценденции, к прошлому и будущему и другие. Может показаться, что эти отношения заданы ему жестко, составляют его структуру и не подлежат свободному варьированию. Однако это не так.

Субъект, конечно, формируется социальным окружением. Отношение к противоположному полу зависит и от биологии. Разумеется, о полной свободе в бытии субъекта говорить не приходится. Однако кое-что в наших руках. Проанализировав собственные отношения, мы можем отчасти изменить их.

Например, рассмотрим отношение к миру – и к жизненному миру, и к физическому, окружающему нас. К этому миру можно относиться потребительски или как к территории борьбы. Борьбы за выживание, за признание, за высокое место в иерархии. Все мы боремся и стремимся чего-то достичь. Очень часто в нас воспитывают стремление к победам. Не сдаваться,

не предавать себя, бороться за свою мечту, не опускать руки – подобные вещи говорят нам начиная с детства. В этой военной парадигме нет места любви и смирению, а также бережному отношению к миру и людям. Мир становится трофеем, который ты должен завоевать.

В любом решении субъекта проявляется его свобода, но наиболее глубокая свобода состоит в анализе и изменении собственных отношений. А вот что говорит о свободе Хайдеггер: «Свобода есть экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего» [17, с. 8]. Из этой максимы мы можем вывести подлинно свободное отношение к миру: допущение его бытия. Отказ от военного отношения, от борьбы за овладение миром, от власти, от иерархии. Свобода, с одной стороны, идет рука об руку с освобождением мира. С другой стороны, свобода нужна, чтобы преобразовать свое отношение к миру. Это возможно: отношения субъекта не железно встроены в него. И одновременно с этим преобразованием свобода еще возрастает. Когда ты допускаешь бытие сущего в мире, ты и сам становишься свободен.

Но для этого необходимо именно глубокое воздействие на самого себя, самоотношение, изменение своей внутренней установки. Эта важнейшая практическая вещь почти не рассматривается в аналитической философии сознания.

Рассмотрим отношение субъекта к самому себе.

Отношения субъекта: отношение к себе

Оно представляет собой загадку. Кто к кому тут относится? Кто субъект и кто объект? Как возможно отношение к себе относящемуся? Это какое-то сущностное раздвоение субъекта и отдача части себя в объект. Но, кажется, в объект нельзя отдать самую центральную часть, самое Я (то, что Кант назвал трансцендентальным единством апперцепции). Однако мы отдаем себе отчет в нем. «Я чувствую свое “Я”». Ведь мы можем так сказать, это наш частый внутренний опыт, особенно у философов. Так кто же чувствует?

Когда Локк писал о рефлексии, у него как бы один высший отдел ума относился ко второму, низшему. На низшем уровне идеи чувства, на высшем – идеи рефлексии [10]. Здесь самоотношение вроде бы загадкой не является. Но дело в том, что мы отдаем себе отчет в собственной рефлексии, другими словами, рефлекслируем рефлексию. Кто-то должен быть в конце этой системы зеркал, которая грозит уйти в бесконечность. Но и он сам отдает себе отчет в самом себе, значит, опять имеет место раздвоение воспринимаемого и воспринимающего. Как решить эту загадку?

Должна быть какая-то инстанция, которая воспринимает Я как существующее, может выразить это в словах и сама не нуждается в том, чтобы ее

воспринимали. Она очевидна, дана самой себе непосредственно, без рефлексии. Что-то высшее, нежели Я. И я полагаю, что эта инстанция – трансценденция. Это слово здесь требуется объяснить.

Под трансцендентным существом иногда понимают Бога, но я имею в виду не это. Трансцендентный как противоположность имманентному – это то, что «не здесь», не принадлежит миру, выходит за его рамки или, поскольку у нас речь о субъекте, выходит за рамки субъекта. Например, ценности. Ценности не существуют, но значат, указывает Г. Риккерт, имеется в виду, что они не существуют в плане имманенции, они действуют как бы извне [13, с. 55]. У них другой тип существования. «Сами ценности, таким образом, не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта» [13, с. 23].

Или рассмотрим схему Фрейда: Оно – Я – Сверх-Я. Субъект здесь Я, а Сверх-Я – трансцендентная инстанция [16]. На примере Фрейда, убежденного атеиста, особенно ясно, что трансцендентное может иметь сугубо земное происхождение. У Фрейда это интериоризация образов родителей. Если отойти от Фрейда, можно видеть, что интериоризации могут быть подвергнуты любые значимые Другие, а может быть вообще довольно неопределенный интериоризированный «взгляд» социума (ибо мало людей, которым безразлично, как к ним относится социум).

А вот как трактует трансценденцию Хайдеггер: «Выдвинутое в Ничто, наше присутствие в любой момент всегда заранее уже выступило за пределы сущего в целом. Это выступание за пределы сущего мы называем трансценденцией. Не будь наше присутствие в основании своего существа трансцендирующим, т. е., как мы можем теперь уже сказать, не будь оно заранее всегда уже выдвинуто в Ничто, оно не могло бы встать в отношение к сущему, а значит, и к самому себе» [18, с. 22]. Здесь трансцендентная точка – Ничто. Правда, по-моему, это довольно редкий вид трансцендирования, далеко не у каждого человека он составляет его повседневный опыт.

Я здесь хотела только сказать, что трансцендентной инстанцией для субъекта является то, что он носит в себе, но что выводит его за рамки себя. Опорная точка вне субъекта позволяет снять проблематику вечно дублирующейся рефлексии. Именно она дает возможность и самопознания.

Отношения субъекта: отношение к Другим

Мы видели, что в основе построения трансцендентной точки часто лежит интериоризированный взгляд Других. Какое отношение к Другим разумно построить, чтобы этот их взгляд был для субъекта продуктивен?

Прежде всего опять вспомним Хайдеггера и его максимум «свобода есть высвобождающее допущение бытия сущего». Другие – это тоже сущее, и

надо допустить их бытие. Другие могут нас раздражать и не устраивать, они могут нами манипулировать, обманывать, обесценивать. Но если обратиться к собственной жизни, то окажется, что так бывает не так уж часто. По большей части Другие так же несчастны и обеспокоены, как и мы. Они зачастую потеряли свой смысл жизни, барахтаясь в борьбе за признание. Мирская борьба отвлекает их от подлинного бытия, от бытия тем образом и подобием божественного, которым каждый мог бы быть. Людей можно пожалеть.

Хайдеггер не дает читателю ориентировки в мире людей. Он слишком большое значение придает безличному *Das Man* [20, S. 126], которым множество людей обращено к субъекту. В его парадигме от людей надо избавляться. Безусловно, это тоже важный момент. Люди как безличная масса давят на нас посредственностью, и первым шагом к построению правильных отношений с людьми будет отказ от интериоризации *das Man*.

Именно *das Man* интериоризуется первым («Все так делают, а я что, хуже?»). Это в принципе тоже трансцендентная точка для субъекта, она тоже формирует его ценности, этим взглядом субъект также может смотреть на себя. Но продуктивным взаимодействие с ним не будет.

Совсем иное отношение к Другим, вернее, к Другому, строит Э. Левинас [9]. Другой для Левинаса – неинтенциональный объект, не подлежащий даже пониманию. Другой предстает перед нами своим «лицом», в котором отпечаталась настоящая трансценденция, божественное повеление любить и заботиться. Каждый Другой уникален, каждый для нас – событие встречи. Как сказал О. Розеншток-Хюсси [14], первый падеж языка – звательный. Мы зовем, нас зовут. Каждый человек был когда-то ребенком, уникальным и любимым родителями. Вот подлинное отношение к Другим. Это встреча двух уникальностей, интерес друг к другу, бережная забота, допущение бытия сущего. Каждый взывает к тому, чтобы его бытие допустили.

Когда интериоризуется взгляд людей, отношения с которыми подлинные, этот взгляд создает внутри субъекта трансцендентную точку опоры. Теперь мы общаемся с Другими внутри себя, мы носим их в себе. Так в нас находят себе место разнообразные ценности, из которых мы можем выбирать свободно. Так мы дали свободу Другим и через это обрели ее сами.

Отношения субъекта: отношение к трансценденции

Очень много наших жизненных перипетий происходит в плане имманенции. Я работаю преподавателем философии, большую часть рабочего времени я говорю или слушаю, как говорят студенты. Мир моей работы – это мир языка. Преподаватель пересказывает мысли философов, студенты пересказывают слова преподавателя. Потом они станут преподавателями,

и их слова будут пересказывать новые поколения студентов. Мысли, таким образом, путешествуют по головам, и происходит это в типичном плане имманенции, в плане языка и речи. К реальной жизни это может вообще не выходить.

Чтобы быть допущенным в субсоциум философов, надо овладеть дискурсом. Это даже не язык, а подмножество слов языка. Нужно овладеть представлениями, «о чем тут принято говорить». Надо быть в русле философской моды. Надо быть, так сказать, философским экстравертом. Но совершенно не надо протягивать смысловые связи между дискурсом и чем-то кроме него – жизнью, чувствами, мечтами... Дискурс самодостаточен.

Рассмотрим, кроме философии, математику. Свой аналог дискурса есть и там. Математика давно не ставит себе задачу описывать реальный мир или даже идеальный мир платоновских идей. Она постепенно превращается в игру ума, где из одних утверждений об абстрактных объектах вытекают другие утверждения об абстрактных объектах. Объект (скажем, многомерное пространство, группа, категория, оператор над полем и т. д.) может не иметь отношения ни к физике, ни к естественной интуиции. Может и иметь, но это совершенно не обязательно. Появляются в высшей степени контринтуитивные построения (функция Вейерштрасса, бесконечное множество, парадоксы типа парадокса Банаха–Тарского и т. п.). Интуиция математиков, тренированная на этих парадоксах, существенно отличается от здравого смысла нематематика. Очень часто интуиция вообще пропадает, построения остаются чисто формальными. Формальность в математике надежна, а интуиция ведет к ошибкам. Пуанкаре еще считал, что интуиция играет роль в творчестве [12], но это было 100 лет назад. Со временем она перестанет играть и эту роль.

План имманенции – дискурс и формальная математика – захватывает нашу жизнь и не выпускает нас.

Если мы всё же хотим выйти из него, куда нам идти? На примере математики хочется сказать, что к восстановлению интуиции, к внутреннему пониманию. Отвлечься от формальных выкладок и спросить себя, что математика дает нам для души, какие смыслы мы в ней находим. Именно это имел в виду Гуссерль в очерке «Начало геометрии» [4]. Нам не нужна, по большому счету, нечеловеческая математика, даже при том что она продолжает быть «необъяснимо эффективной» в физике. Нам хочется, чтобы она дала нам пищу для ума и сердца. Это и была бы точка выхода к трансценденции, приобщение к новому пониманию. Увы, математическая трансценденция от нас всё больше ускользает.

В случае философии всё не так грустно. Даже сугубо имманентный дискурс может дать понимание каких-то жизненных вещей. Не все хотят

жить только в языке. Язык есть дом бытия, как сказал Хайдеггер, но надо же иногда выходить из дома.

Этот выход из дома и является нам как встреча с трансценденцией. Мы приобщаемся к чему-то, что вне нас. Смысловое понимание – это ухватывание каких-то внешних смыслов, их интериоризация. Я говорила про интериоризацию взгляда Других, но трансцендентная точка должна строиться как некий выход к внешнему. Гуссерль трактует понимание как чисто внутреннее конституирование смысла, и Кант тоже указывал, что любую связь субъект строит сам, поскольку внешние связи явлений не могут быть ему даны. И всё-таки есть выход за пределы себя, есть новизна, есть что-то по ту сторону субъекта. Мы это конституируем, но это, как сказала П. Гайденко, «Прорыв к трансцендентному» [3]. Не к вещам в себе, нет, претендовать на это было бы наивно. Но к чему-то новому для себя. Ведь и взгляд Других, о котором я писала выше, дает нам новое понимание себя самих. Человек может выйти за собственные пределы. Начиная с интерсубъективности, доходя потом и до истинно трансцендентного мира смыслов.

Самоотношение и самовоздействие

Интересный пример самоотношения встречается в христианской литературе и молитвах. Вот цитата из канона Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, и имаши смутиться. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй» [2, с. 16]. (В этом каноне такие же обращения к душе много раз повторяются.) Кто тут к кому обращается? Мы ведь воспринимаем эти места как вполне естественные, не как диссоциативное расстройство. Мы можем сами так обратиться к своей душе: восстань, не спи! Мы можем чувствовать, что наша душа спит. Но кто эти *мы*? Это какой-то взгляд на душу, может быть, можно назвать ее духом. Это тот самый взгляд сверху, о котором я выше писала: субъект смотрит на свою душу, отождествляя себя не с ней, а с высшим взглядом, с моралью и долгом, с судьей самого себя. Однако божественному прощению подлежит душа, а не этот высший взгляд. Он морален, но лишен полноты бытия.

То же самое видим и у Хайдеггера: зов совести, зов бытия исходит «сверху», а душа (в ее роли тут выступает *Dasein*) подвергается падению, заброшенности и т. д. Такое раздвоение очень характерно для человека. Оно есть в опыте многих людей. Субъект нередко укоряет себя за жизнь, которую ведет, чувствуя, что она не идеальна.

(Не могу не отметить в этой связи стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться» [6, с. 177]. В нем отделение души от субъекта достигает степени тотальности: «Она рабыня и царица, Она работница и дочь...»)

Нетрудно представить себе человека, который хочет занять определенную позицию. Он не хочет пребывать в хайдеггеровском падении, он стремится жить подлинно, слышать зов совести, следовать своему призванию и долгу. Это желание следовать долгу напрямую связано со свободой. Если бы не было свободы, не было бы и долга, на это указывает Кант в самом начале «Критики практического разума» [7, с. 313]. Когда мы судим себя за жизнь, которую ведем, мы в этот момент свободны (сам наш судящий взгляд свободен), и душу, Dasein, мы рассматриваем как свободную, могущую принять решение.

Конечно, эта свобода далеко не абсолютна. Судящий взгляд из трансцендентной точки – продукт воспитания, результат жизненного опыта, он складывался под действием обстоятельств. Однако заметим, что он далеко не только продукт воспитания. Он вполне способен осудить свое собственное воспитание и сложиться наперекор ему. Что касается души, которая вначале находится во сне, в падении, – этот образ жизни ее очень сильно притягивает, но она способна восстать и проснуться.

Это пробуждение души вполне можно трактовать как пример самовоздействия. Я несколько часов утром провела за бессмысленным листанием социальных сетей, это было как раз состояние сна души. Но совесть призвала меня писать статью, я собралась с силами и написала очередной абзац. Это настолько частый опыт у людей моей профессии, что нет никакого сомнения, что такого рода самовоздействие возможно.

Есть и ситуации более длительного, более принципиального самовоздействия. Например, возможны несколько аспектов отказа от власти: выход из системы иерархии, непонимание и отсутствие интерпретации, принятие абсурда, виды эскапизма, несистемное философствование и др. Такая позиция далеко не для всех, она для немногих, склонных к аскетизму. Но такие люди есть. Как они могут принять эту позицию? Осуществить самовоздействие, акт отказа. Допустить бытие сущего, отказавшись от обладания им.

Это преобразование собственной структуры субъектности, создание новой сети отношений взамен изначальной, нацеленной на обладание. Изменяются отношения к миру, к Другим, к самому себе. Субъект строит нового себя. Ему, вероятно, нужны стимулы (например, послушать несколько раз канон Андрея Критского и несколько раз перечитать «Бытие и время»). Собственно, эти стимулы побуждают не действовать конкретно так-то и так-то, а именно осуществлять самовоздействие, отделяться от самого себя. В то же время субъект должен и сливаться с самим собой, поскольку в своей новой структуре он действует новым для себя образом, ему надо, так сказать, почувствовать эти свои действия. Самоотделение и самослияние тут идут рука об руку. То и другое естественным образом доступно субъекту.

Преобразовывать собственную субъектную структуру – это очень творческое дело. Это необыкновенно увлекательно. Когда мы говорим такие слова, как самовоспитание, самосовершенствование, покаяние и метанойя, долг, а тем более бессилие, – это кажется чем-то скучным и назидательным. Ницше называет это «моралин»: будь правильным и хорошим. Но так и кажется, что в атмосфере моралина интересной жизни нет, правильность непродуктивна.

Рассмотрим человека, который хочет быть нонконформистом. (Это частое желание у подростков, но бывает и у взрослых особого склада, не желающих подчиняться веяниям моды, зомбированию *das Man*, господствующей идеологии. Особенно идеология нередко пропитана моралином и удушающим давлением. Быть «правильным» часто как раз означает подчиняться идеологии, а быть нонконформистом – противостоять ей.) Этому человеку надо прежде всего изменить свое отношение к ценностям. Видимо, следует сказать, что отношение к ценностям может быть бессознательным и осознанным. От родителей мы воспринимаем определенные ценности бессознательно, особенно если родители учили нас этому не на словах, а сами на деле жили сообразно своим ценностям. Такие ценности запечатлены в нас бессознательно, хотя мы, подумав, можем эксплицировать их; это не вытесненное бессознательное, оно не сопротивляется пониманию.

Нонконформист выбирает ценности осознанно. Это требует трудной духовной работы, но она настоятельна и, как правило, происходит активно и с желанием. Можно ли ее назвать свободной? И да, и нет. С одной стороны, она самостоятельна, она требует выбора, она апеллирует к глубоким расположениям субъекта. С другой стороны, ценности имеют свою огромную силу притяжения, они повелевают субъектом, он их не придумывает, он испытывает влечение к ним. Почему некоторых влечет к ценности материальных благ, некоторых – к ценности искусства, некоторых – к ценности научной истины, некоторых – к ценности религии и т. д.? Возможно, есть некоторое предопределение (вплоть до биологических особенностей), и тогда свобода выбора ценности весьма относительна. Но и нельзя сказать, что свободы нет.

Согласно своему выбору ценности субъект может начать преобразовывать себя, и теперь он точно находится в области свободы. Он осознанно выбирает ценность, он приучает себя не полагаться на мнения *das Man*, он освобождает себя от господства идеологии. Согласно выбранной ценности он развивает в себе те или иные качества. Всё это является работой субъекта над собой, его самовоздействием.

Сознание и самоотношение

Вернемся к проблеме философии сознания: что такое сознание и как оно связано со свободой субъекта? С самого начала я сказала, что философское обсуждение сознания слишком сильно склоняется к воспринимательной и в лучшем случае обрабатывающей стороне работы психики. Поэтому и связь со свободой недостаточно видна: свобода гораздо больше проявляется в действии, чем в восприятии. Хотя, по моему глубокому убеждению, она есть везде, где есть свет сознания, поскольку этот свет нужен для того, чтобы обдумать нечто и принять некие решения. Когда нейрофизиолог Мэри видит розу, свет сознания горит очень ярко, поскольку это совершенно новое для нее переживание. Ей надо думать. И в этих мыслях она по-своему свободна. Квалиа ей даны как бы извне, но перед ней новая жизнь с этими квалиа, с которыми ей еще предстоит освоиться. Впрочем, свет сознания зажигается и эмоциями, о чем я сейчас говорить не буду, так как разграничение эмоций и квалиа требует отдельной работы.

Как бы то ни было, мне представляется, что сознание тесным образом связано со свободой, с необходимостью выбора, хотя бы из различных возможных мыслей. Кант пишет, что способность воображения есть «слепая функция души» [8, с. 85], которая осуществляет синтезы, надо полагать, совершенно спонтанно, а мы затем должны при помощи рассудка навести в них необходимый порядок. Это как раз и требует света сознания. И это мыслительное действие. Сознание, действие и свобода теснейшим образом связаны и идут рука об руку. Везде, где есть свобода что-то думать и делать, зажигается сознание. Свобода не бывает в темноте (или только в каких-то особых случаях).

Как я пыталась показать в этой статье, важный тип сознательного действия – самоотношение и самовоздействие. Я сформулировала это в терминах теории субъекта, но это имеет непосредственное отношение к сознанию, поскольку самоотношение сознательно. Именно в сознании субъекта заключено раздвоение на имманентное содержание и трансцендентную точку опоры, благодаря которой мы можем воздействовать на себя. Возможно даже, что сознание всегда существует в раздвоенном варианте, и это не психозы и не диссоциативное расстройство. Это самоотношение – нормальное состояние субъекта. И для него нужна точка вне субъекта, которую он во многом строит сам. Х. Плеснер нечто похожее называл «эксцентрической позицией» [11, с. 125]. Субъект дан самому себе, он находится как бы на расстоянии от самого себя, он одновременно един и раздвоен (и един не до конца, и раздвоен не до конца).

То же самое мы видим и в сознании. Человеческое сознание – это не просто свет, в него сущностным образом входит возможность самосозна-

ния, т. е. самоотношения. Везде, где у человека есть сознание, может проснуться и самосознание. Оно может появляться не всегда и ненадолго, но оно возможно. Сознание одной природы со свободой, оно может использовать эту свободу для обращения на самого себя.

Заключение

Я попыталась провести связь между философией сознания и философией субъекта через понятия свободы и самоотношения. Субъект сущностно свободен, поскольку он принимает решения. Даже если его решения детерминированы его биологическим устройством или его историей, всё равно он преобразовывает прошлые детерминации в будущие, происходит процесс принятия решений, и, значит, некоторая свобода имеется. Что касается сознания, то оно также связано со свободой, поскольку его свет зажигается в тех же ситуациях принятия решения (за редкими исключениями).

Принятие решений не всегда связано с действием. Я рассмотрела отношения субъекта к миру, к себе, к Другим, к трансценденции и выделила особую группу действий субъекта: самоотношение и самовоздействие. В области сознания это самосознание. Субъект может модифицировать собственные отношения, опираясь на трансцендентную точку, которую он сам полагает. Это в высшей степени свободное действие субъекта, благодаря которому он строит самого себя. Самоотношение – одна из главных точек человеческой свободы.

Литература

1. *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 269 с.
2. Великий покаянный канон святого Андрея Критского. – М.: Неугасимая лампада, 2013. – 192 с.
3. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
4. *Гуссерль Э.* Начало геометрии / пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. – М.: Ad Marginem, 1996. – 269 с.
5. *Деннет Д.* Разум: от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности / пер. с англ. М.С. Соколовой. – М.: Эксмо, 2021. – 528 с.
6. *Заболоцкий Н.А.* Стихотворения и поэмы. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – 504 с.
7. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 311.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

9. Левинас Э. От существования к существующему // Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – М.: Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 7–65.
10. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 623 с.
11. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии: сб. пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96–151.
12. Пуанкаре А. Интуиция и логика в математике // Пуанкаре А. О науке / под ред. Л.С. Понтрягина. – М.: Наука, 1989. – С. 159–169.
13. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
14. Розеншток-Хюсси О. Тебя и Меня // Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. – М.: Канон+, 1998. – С. 119–133.
15. Селл Дж. Открывая сознание заново / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 240 с.
16. Фрейд З. «Я» и «Оно» / пер. с нем.: Л. Голлербах, И. Ермаков. – М.: Э, 2017. – 149 с.
17. Хайдеггер М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.
18. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 16.
19. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. – М.: УРСС: Либроком, 2013. – 512 с.
20. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tübingen: M. Niemeyer, 1967. – 437 S.

References

1. Vasil'ev V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [Hard Problem of Consciousness]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 269 p.
2. Andrew of Crete. *Velikii pokayannyi kanon svyatogo Andreyia Kritskogo* [Saint Andrew of Crete. Great Canon of Repentance]. Moscow, Neugasimaya lampada Publ., 2013. 192 p. (In Russian).
3. Gaidenko P.P. *Proryv k transsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [Break-Through to the Transcendental]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 495 p.
4. Husserl E. *Nachalo geometrii* [Origin of geometry]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1996. 269 p. (In Russian).
5. Dennett D. *Razum: ot nachala do kontsa: novyi vzglyad na evolyutsiyu soznaniya ot vedushchego myslitelya sovremennosti* [From bacteria to Bach and back: the evolution of minds]. Moscow, Eksmo Publ., 2021. 528 p. (In Russian).
6. Zabolotskii N.A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1965. 504 p.

7. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. T. 4, ch. 1 [Works. In 6 vols. Vol. 4, pt. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, p. 311. (In Russian).

8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 591 p. (In Russian).

9. Levinas E. *Ot sushchestvovaniya k sushchestvuyushchemu* [From Existence to the Existent]. Levinas E. *Izbrannoe: Total'nost' i beskonechnoe* [Selected Works. Totality and Infinity]. Moscow, Kul'turnaya initsiativa Publ., St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, pp. 7–65. (In Russian).

10. Locke J. *Sochineniya*. V 3 t. T. 1 [Works. In 3 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1985. 623 p. (In Russian).

11. Plessner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek*. *Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [Levels of Organic Life and the Human]. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 96–151. (In Russian).

12. Poincaré H. *Intuitsiya i logika v matematike* [Intuition and Logic in Mathematics]. Poincaré H. *O nauke* [On Science]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 159–169. (In Russian).

13. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and Cultural Sciences]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 413 p. (In Russian).

14. Rosenstock-Huussy E.O. *Tebya i Menya* [Of You and Me]. Rosenstock-Huussy E.O. *Bog zastanlyayet nas govorit'* [God Makes Us Speak]. Moscow, Kanon+ Publ., 1998, pp. 119–133. (In Russian).

15. Searl J. *Otkryvaya soznanie zanovo* [The Rediscovery of the Mind]. Moscow, Ideya-Press, 2002. 240 p. (In Russian).

16. Freud S. «Ya» i «Ono» [I and It]. Moscow, E Publ., 2017. 149 p. (In Russian).

17. Heidegger M. *O sushchnosti istiny* [On Nature of Truth]. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoi doroge* [Country Path Conversations]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 8–27. (In Russian).

18. Heidegger M. *Chto takoe metafizika?* [What is Metaphysic?]. Heidegger M. *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Reports]. Moscow, Respublika Publ., 1993, p. 16. (In Russian).

19. Chalmers D. *Soznavushchii um: v poiskakh fundamental'noi teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ., 2013. 512 p. (In Russian).

20. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, M. Niemeyer, 1967. 437 S.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023.

Статья прошла рецензирование 17.01.2024.

The article was received on 07.01.2024.

The article was reviewed on 17.01.2024.